

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Писательница Валентина Ионовна Туренская прожила немногим более 50 лет. В литературе она работала всего лишь 15 лет. Но дело литератора не измеряется годами писательского стажа,— жизнь Валентины Туренской убедительно отвечает на очень важный вопрос: «Почему люди становятся писателями?»

Этот вопрос часто можно услышать во время обсуждения новой книги, на встрече писателя со своими читателями, иногда в откровенном, с глазу на глаз, разговоре... Задают этот вопрос чаще всего дети. А вопрос этот совсем не «детский». Ответить на него — значит ответить на вопрос: действительно ли этот человек писатель? Ведь чтобы быть писателем, надо не только уметь «описать закат или цветенье редьки», как говорил Маяковский. Надо знать, что сказать, надо страстно хотеть сказать это. И надо знать, ради чего вот это свое, выношенное, часто выстраданное, ты хочешь рассказать людям...

У каждого настоящего писателя есть своя, ему присущая главная тема творчества, свои мысли и убеждения, которые он желает внушить своим читателям. И благо, когда эта тема не выдумана за письменным столом, когда она вытекает из жизненного опыта, да и не только опыта — из жизненного призвания писателя. Как часто приходится нам сталкиваться с тем, что литератор пишет «обо всем» или, наоборот, о случайном. И как часто бывает, когда читатель, закрывший последнюю страницу книги, не может ничего сказать об авторе книги, не может представить себе его профессию, интересы, вкусы...

Про Валентину Туренскую этого никак нельзя было сказать. Любой вдумчивый читатель, прочитавший ее книги — «Крутая радуга», «Девятая», «Где рос ясень», — поймет, кем была В. Туренская по своей профессии, по опыту жизни, где она жила, чего хотела, за что боролась...

По своему призванию Валентина Ионовна Туренская была педагогом-воспитателем. С 16 лет она стала заниматься педагогической деятельностью, окончила учительский и педагогический институты, много лет учительствовала, была на руководящей работе по народному образованию. В большой трудовой жизни Валентины Ионовны бывало и так, что ей приходилось работать и счетоводом, и продавцом в книжном магазине. Но все равно, где бы и кем бы она ни работала — педагогом или писателем, — никогда не прекращалась ее деятельность воспитателя, никогда не угасал ее страстный интерес к духовной жизни молодежи, стремление воспитать в подрастающем поколении высокие нравственные качества, присущие нашему времени. Невозможно провести какую-нибудь границу между Туренской-писательницей и между Туренской-педагогом.

Первая повесть «Дружба», опубликованная в 1949 году, романы «Зрелость» и «Просторы» были непосредственно связаны с большим жизненным опытом их автора. В этих книгах раскрывался большой, трудный и благородный мир советского учителя. С пристальным вниманием всматривается автор в сложные процессы, происходящие в нашей школе. Только-только окончилась война. Еще свежи и болезненны раны, ею нанесенные. Еще столько разбитых судеб, искалеченных жизней, столько разных и чужеродных наслоений, порожденных трудным временем. Писательница не приукрашивает действительность, она старается отделить наносное от того коренного, что монолитно связано с нашим советским строем. Эти первые книги В. Туренской отличаются глубокое раздумье их автора над путями нашей школы. Она понимала, что не все ладно в жизни школы и школьников, что все более угрожающим становится разрыв между жизнью народа и между системой нашего образования.

И естественно, что наибольший подъем в творчестве В. Туренской наступает тогда, когда XX съезд нашей

партии решительно отмел все наносное, что было порождено предыдущим периодом, когда нарушались ленинские нормы, открыл новые и светлые пути во всех областях жизни советского общества. Вот когда в полном объеме, со всей силой сказалась органическая, нераздельная связь писательницы с жизнью тех людей, которые всегда были героями ее произведений.

История создания повести В. Туренской «Девятая» неотделима от тех больших преобразований, которые совершаются в жизни нашей школы. Однако повесть В. Туренской бесконечно далека от тех многих произведений, которые так часто появляются после важных для нашей страны решений партии. Она не излагает очередное постановление, не разжевывает готового. Герои повести выхвачены из реальной жизни — это будущее, увиденное зорким глазом писателя и педагога, находящегося в гуще жизни. Еще не было исторического постановления партии «Об укреплении связи школы с жизнью народа», еще происходили лихорадочные и трудные поиски новых форм в жизни школы, а писательница увидела в рядовой станичной школе то новое, что должно определять будущее школы.

Мы часто любим говорить о «педагогическом эксперименте», о поисках новых методов связи обучения с трудовой жизнью... Все это так, все это нужно. Но то, что увидела писательница, никаким «экспериментом» не было. Для детей станичных колхозников труд не был «новым предметом» — он был естествен для них, с самого детства привыкших разделять трудовую жизнь своих отцов и матерей, братьев и сестер и видевших в этом труде источник достойной жизни. Именно этим и объясняется успех инициативы педагогов, создавших первые школьно-производственные бригады.

Да, только постоянное участие наших детей, нашей молодежи в трудовой жизни народа может воспитать в них высокое нравственное сознание, чувство долга перед собой и перед обществом. В. Туренская это доказывает не придуманными примерами, а реальными, увиденными в жизни судьбами юношей и девушек.

Труд формирует характер человека, воспитывает в нем чувство достоинства, доброту, мужество — этими мыслями пронизана и повесть «Крутая радуга». В судьбе колхозной девушки Тани Лагутиной нет ничего не-

обычного, надуманно-драматического. Это история молодой жизни, ищущей путей к тому, чтобы жить достойно, красиво, на радость себе и людям. Путь этот — не накатанный, не гладкий. Вокруг еще много — ах как еще много человеческой грязи! — стяжательства, нечестности, равнодушия. Так, казалось бы, легко соскользнуть на путь «протоптанней и легче»... Но истинное счастье ждет Таню на другом пути — более трудном, более тернистом, требующем от человека нравственной чистоты, любви и уважения к труду.

Туренская не притворялась, что она описывает жизнь, «добро и зло вникая равнодушно». Она была пристрастна и в жизни и в литературе. Героев своих любит беззаветно, сильно. Искренне, часто с восторгом любит их непримиримостью к злу, их преданностью дружбе, восхищается их трудолюбием. И не меньше силы этой любви сильна в ней ненависть к обманщикам, к паразитам, к эксплуататорам людских бед, человеческой темноты. С каким знанием и пониманием жизни описывает В. Туренская круг «бывших» в колхозах! Нет, это не те «бывшие», как называли когда-то остатки дворянской аристократии, сметенной революцией. Это «бывшие председатели» колхозов, «бывшие бригадиры» — люди, много лет разорявшие колхозное хозяйство своим бездельем, распущенностью, стяжательством и изгнанные народом со своих тепленьких мест. Они еще держатся иногда «в руководстве», они еще имеют партийные билеты, но вы видите, что лежат они как колоды на быстром фарватере колхозной жизни.

Когда речь идет о непримиримости писательницы к этим теневым сторонам нашей жизни, особо следует выделить постоянную, упорную борьбу В. Туренской с «духовной сивухой», которой еще пытаются отравить слабых и неустойчивых людей, — с религией. Сурово и безжалостно сдирает она завесу сладких поповских слов о «братской любви», «утешении сирых», обнажая за ними ненасытные стремления жить за счет невежества людей, растления их душ. С точностью исследователя выясняет В. Туренская причины того, почему еще удаются церковникам и сектантам оказывать свое влияние на некоторых наших людей. Они находят лазейку там, где еще есть равнодушие и невнимание к людям, где не отзываются на людские беды, на жизненные трудности.

Среди книг Валентины Туренской особое место занимает повесть «Конец тихой обители», написанная ею в соавторстве с писателем Петром Мелибеевым. «В книге нет выдуманных фактов. Все, о чем здесь говорится,— правда»,— читаем мы в предисловии. В. Туренская и П. Мелибеев рассказали в своей книге о чудовищном клубе лжи, фальсификации, ханжества, созданном церковниками для выращивания людей, чьей профессией должны стать обман, духовное ограбление трудящихся. Эта повесть — яркое свидетельство гражданственности их авторов. Они не могли остаться равнодушными к тому, что открыто, на глазах у всех, в большом трудовом городе существует Ставропольская духовная семинария, где обманутых или развращенных молодых людей обучают, как тоньше уводить трудящихся от настоящей, большой жизни.

Выступления писателей обсуждались на многочисленных собраниях, на читательских конференциях. Жалко выглядели там те, кто пытался защитить свое право на обман, на паразитическую жизнь. При очередном наборе в семинарию не нашлось больше желающих пойти на учение к церковникам, и Духовная семинария должна была закрыться...

История «Конца тихой обители» очень характерна для общественно-литературной деятельности В. Туренской. Она не мыслила себе писательской деятельности без того, чтобы самой, непосредственно не вмешиваться в происходящее, помогать, советовать, находиться всегда в гуще жизни. Писательница очень хорошо знала все то, о чем она писала. Человек, который сам не знает крестьянского труда, никогда не смог бы так ярко, во всех точнейших деталях показать, как Таня Лагутина начинает свою трудовую жизнь на ферме.

Каждый, кто знал Валентину Ионовну, работал с ней, невольно заражался тем чувством радостной жизнедеятельности, которым была она наполнена. Доброта ее была активна, и если она вмешивалась, чтобы помочь человеку, исправить несправедливость, то она приводила в движение всех людей вокруг себя, не успокаивалась, пока не доводила дело до конца.

Валентина Туренская любила весь мир — в его движении, разноречии, блеске красок, сложности разных обычаев, привычек. Она много и с удовольствием ездила.

Но наряду с этим в ней жило то постоянное настойчивое чувство Родины, которое она так сильно передала в своей последней, вышедшей уже после смерти автора книге «Марианна ищет родных».

А как она знала и как сильно любила край, где она жила и работала! Какой бы она ни описывала ставропольскую степь — в разливе ли весенних красок, в величии ли безбрежного пшеничного моря, в осеннюю ли непогоду, — она всегда находит для изображения родного пейзажа слова, идущие от самого сердца. Со страниц ее книг встает поэтический облик ставропольских станиц — с белоснежными домами, шумом тополей, далекими песнями девчат, гулом тракторных моторов... С жадной радостью выискивает В. Туренская каждодневные приметы нового в старых станицах: водопроводную колонку на улице, залитый электричеством колхозный клуб, цветочные клумбы на полевом стане. Ведь в этих приметах нового заключен труд людей, создающих для себя и своих потомков жизнь светлую, радостную, добрую и достойную. Ради этого советские люди возделывают поля, выращивают сады, прокладывают каналы, строят заводы. И для этого писала свои книги писательница Валентина Туренская.

Лев Разгон

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

НАЧИСТОТУ

Мимо проехала машина. Свет фар скользнул в щели забора, выхватил из темноты стволы деревьев, торопливо пересчитал их, ударил прямо в глаза Тане и через мгновение пропал. Бывают в июне такие темные-темные, тихие-тихие вечера. Спит где-нибудь в степи намаявшийся ветер. Озорничал целый день: бросался со взгорья на пшеничные поля, зелеными волнами отмечая свой след, поднимал клубами седую пыль за машинами, дерзко

рвал пестрые косынки с колхозных девчат, вольно взмывал к небу, играя легкими облаками, а сейчас, утомленный, разнеженный ночной прохладой, прикорнул где-нибудь в росистой балочке, раскинулся на траве — лень даже покачать верхушки тополей, прошелестеть листовой яблонь. Словно ниже спустилось звездное небо. Затихла станица. Нет, не совсем еще затихла: вдали слышен рокот машины, еще дальше очень тихо и потому проникновенно-ласково звучит музыка. Вот чьи-то шаги: одни подтверже, другие мельче, дробнее. Идут двое. Идут и молчат. Хорошо и помолчать вдвоем. Вот взбrehнула чем-то потревоженная собачонка, успокоительно гавкнула в ответ другая: дескать, я здесь, рядом, поддержку в случае чего. В станице тишина и покой после длинного дня жаркой летней страды. И в доме Лагутиных тихо и темно.

Вот в такой тихий вечер только и поговорить начистоту двум сестрам, если им предстоит принять нелегкое решение. Таня и Маша сидят молча и думают.

Тане скоро двадцать. Она думает, что Маша совсем еще девчонка. Вон повесила на уши спелые крупные вишни вместо сережек. Тут о серьезном надо поговорить, а она сережки из вишен приладила. Таня думает, что надо сменить подгнившие ворота и починить крышу: в углу уже протекало весной и сейчас расплылось противное пятно, захватив своими рыжими щупальцами чуть не четверть потолка. Она думает о матери, которая возвращается с фермы усталая, даже лицо кажется серым, а глаза поблекшими. Пятнадцать лет, как не стало отца. Расстреляли подлые полицаи партизана Данилу Лагутина у далекого степного колодца. И все эти пятнадцать лет, пять тысяч горьких вдовьих дней, все заботы о семье лежали на матери. На ней одной. Таня помнит, как первое лето после гибели отца мать уходила в сад, на эту скамью. Уходила сюда и плакала.

Годы шли, и дети выросли. Уже Лысуху доила Маша. Все трое — и Таня, и Маша, и Василий, их младший брат, — работали летом в колхозе. Уже и колхоз поднялся, на трудодень стали получать не скупое. А весь дом как лежал, так и лежит на плечах матери. Когда-то они были крутыми, сильными, а сейчас опустились эти плечи. До каких пор все должно лежать на материнских усталых плечах? Вот руки у нее болеть начали, уже несколько

раз приходилось Тане вставать до света, чтобы вместо матери подоить коров на ферме. Мать парит руки отрубями, говорит, что от этого все жилочки распрямляются. Только плохо что-то помогают отруби. На днях мелко задрожали у матери пальцы левой руки. Так, без причины. Заплясали сами собой. Мать торопливо и уже привычно сжала пальцы в кулак, а потом настороженно подняла на Таню глаза, и обе поняли: с фермой вот-вот придется проститься.

Таня знает, надо решать. Она старшая. Теперь старшая. Первенцем в семье был брат Александр. Он погиб на фронте. Жена Александра, Варя, недолго прожила в семье мужа. Соседкам жаловалась: «Буду я батрачить на всю ораву! Свою жизнь надо ладить». И подалась в город. А прощаясь, поголосила от души, просила лихом не поминать, изредка пишет теперь. Сашку с собой увезла; черноглазый, в отца пошел. Одного Александра Лагутина не стало — другой Александр Лагутин растет.

Старшая сестра Зинаида живет отдельно; у нее своя семья, свои заботы. Муж Зинаиды, Федор Игнатюк, внушает ей, что она от семьи Лагутиных отрезанный ломоть. Конечно, Зинаида жалеет мать. Когда сестры и брат были поменьше, нет-нет прибежит, постирушку устроит, перемоем малышей, хотя знала, что Федор обязательно спросит: «У тебя что, дома делов нет?» Впрочем, и на Федора жаловаться нечего: в самые трудные годы помогал им, хоть и не больно охотно.

В двадцать лет не очень-то долго думается о печальном. И мысли Тани незаметно свернули в сторону и вырвались на широкий простор мечтаний. Окончена школа, да еще с серебряной медалью. В руках аттестат зрелости. Завтра его можно послать в любой институт, поехать в любой город. Таня не подведет ни родную станицу, ни родной колхоз. Ей бы только попасть в институт! Нет, не в любой! Недаром в школьной бригаде она была звеньевой и вела дневник опытнической работы. Она станет зоотехником. И пусть это очень трудно, но она добьется своего. Разве не мечтали они все в десятом классе о трудном пути, не зачитывались Сергеем Чекмаревым? Его стихи принесла в класс их любимая учительница, их друг Вера Васильевна. Стихи слушали после уроков. Она прочла первые строки:

Мне борьба поможет
быть поэтом.
Песни мне помогут
быть борцом...

Через неделю стихи Чекмарева читал весь класс. Алеша Шумадо, признанный школьный поэт, сказал, что бросит писать стихи (все равно, как у Чекмарева, не выходит!), но стал еще чаще смотреть отсутствующими глазами и бормотать что-то про себя. Врет! Пишет, только прячет теперь. А Маруся Росликова говорила, обводя подруг большими, чуть глуповатыми глазами: «Девчата, а как Сергей Чекмарев любил ее, эту Тоню!» Напали на нее тогда, и больше всего Танина подруга, Настя Герасименко, дочь председателя колхоза Ивана Гордеевича: «Тебе бы только «любил»! А что он работал, что погиб, это тебя не касается!»

Потом Таня и Настя всё мечтали: вот бы встретить такого, как Сергей Чекмарев. На край света бы за таким пойти! А как узнаешь такого? Нет! Узнать можно. Посмотришь в глаза — и сразу поймешь: он!

Текут Танины мысли, кажется, о разном, а выходит — об одном: что делать сейчас, кончив школу. И снова всплывает в памяти смуглая, худощавая рука матери, сжатая в кулак, чтобы не выдать невольную дрожь пальцев.

Молчит и Маша, думает свое. Может быть, не так плохо с матерью, как кажется сестре. Еще бы два-три года, а потом ветру не дадут повеять на мать. Маша десять классов кончать не станет, поступит сразу на второй курс техникума. Через два года она самостоятельный человек. А Татьяна пусть учится. Долго ей учиться, но Маша понимает: раз есть призвание — ничего не поделаешь. Маша тоже работала в школьной бригаде. Работала, как все. А Таня — нет! Таня все чего-то искала. «Выдумывает много», — сказала как-то Маша о сестре, а Вера Васильевна поправила: «Таня думает», и таким тоном сказала, словно это невесть какая заслуга — думать. И председатель колхоза Иван Гордеевич сказал: «Что ж, Татьяна, на зоотехника бей. Прямая дорога. Ясно?» Тане надо учиться. И стаж у нее есть. После седьмого класса два года работала в колхозе, занималась по вечерам.